

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙСКА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В 1941–1944 ГГ.

И.И. Баринов

Кафедра отечественной истории XX–XXI в.
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена изучению деятельности союзных нацистской Германии итальянских войск на оккупированных в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. территориях СССР. Материал, содержащийся в статье, позволяет осветить как общие черты политики итальянской оккупационной администрации, так и ее особенности, а также ее причастность к военным преступлениям на советской территории. В статье также представляется возможным проследить организующую роль Германии в плане организации оккупации советских территорий и ее отношения с союзниками и сателлитами на Восточном фронте. Работа строится на малоизвестных и неизученных архивных документах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., оккупированные советские территории, итальянский экспедиционный корпус, военные преступления.

Изучение такого значимого для отечественной истории явления, как Великая Отечественная война, а вместе с ней и оккупации советских территорий войсками нацистской Германии, ее союзников и сателлитов, накладывает на ученого двойную ответственность и одновременно открывает перед ним двойную возможность: с одной стороны, любое исследование по данной проблематике ценно само по себе, поскольку – несмотря на буквально поминутную изученность многих событий – значительная часть войны все еще остается не до конца освещенной в исторической литературе; с другой же стороны, историк, пишущий о событиях 1941–1945 гг., становится не просто академическим ученым, но волей-неволей участвует в процессе формирования того или иного исторического дискурса.

Сегодня в России крайне редки работы, которые бы сочетали в себе две вышеуказанные особенности: как правило, выходящие исследования либо преимущественно фактологичны, посвящены доскональному исследованию того или иного эпизода войны, либо, напротив, исключительно идеологичны. Наиболее ценными представляются исторические исследования, в которых широта источниковой базы, ее детальный анализ и творческая интерпретация сочетаются с четко обозначенной идейной позицией исследователя. Вплоть до последнего времени исторические исследования в СССР и России не видели критически-ориентированных и одновременно документально фундированных работ в силу того, что Великая Отечественная война воспринимается не столько рационально, сколько эмоционально, а многие темы являются табуированными.

В данной статье речь пойдет об итальянских воинских формированиях, находившихся в 1941–1943 гг. на территории СССР и осуществлявших наряду с немецкими войсками собственную оккупационную политику. Целью данной статьи является выявление характерных особенностей итальянского оккупационного режима как страны-союзницы нацистской Германии на захваченной советской территории, а также различий с германской оккупационной политикой.

Говоря об итальянском воинском контингенте на оккупированной советской территории, нужно подчеркнуть, что отправка итальянских войск на Восточный фронт стала не только и не столько воплощением устремлений ряда представителей правящих элит (например, министра военного производства генерала Фавагроссы), сколько личных амбиций дуче Италии, наблюдавшего за действиями Гитлера в Европе «с нескрываемой завистью» (1) и, в русле заявлений последнего о расширении германского жизненного пространства на Восток, желавшего поучаствовать в создании новой геополитической карты Европы.

Уверенность Бенито Муссолини в том, что участие в военных действиях на Восточном фронте принесет итальянскому оружию славу, а самой Италии в будущем место среди победителей, наравне с Германией, основывалась сразу на двух, на первый взгляд, очень весомых аргументах: с одной стороны, на вере в мощь Вермахта, а с другой стороны – на абсолютной уверенности в силе собственной армии, которая, хотя и неоднократно демонстрировалась итальянским диктатором публично, выглядит куда менее обоснованной.

Готовность итальянского общества и его мотивация к переводу жизни на военные рельсы оказались минимальны – то, что «война в Италии непопулярна», признавал даже такой значительный стратег, как Франц Гальдер, начальник Генштаба сухопутных войск Германии (2).

Более того – и это представляется особенно ярким примером безрассудства вступления Италии в войну на Восточном фронте, – у фашистского государства уже был, в 1935–1936 гг. и в первой половине 1941 г., болезненный и де-факто неудачный опыт ведения боевых действий в Африке.

Гитлер первоначально был не против присутствия итальянцев на Восточном фронте (3), хотя и указывал Муссолини, что он окажется гораздо более полезен, если увеличит свои силы в Северной Африке (4). Тем не менее к августу 1941 г. на фронт прибыл 62-тысячный итальянский экспедиционный корпус в России (*Corpo Spedizione Italiana in Russia, CSIR*), в июле 1942 г. развернутый в итальянскую армию в России (*Armata Italiana in Russia, ARMIR*) под командованием генерал-лейтенанта Мессе в составе трех дивизий – «Пасубио», «Торино» и «Челере», который уже в сентябре-октябре того же года принял участие в боевых действиях на Украине вместе с войсками немецкой группы армий «Юг», а затем вместе с ней участвовал в оккупации Донбасса.

Нужно отметить, что отношения между итальянским и немецким воинскими контингентами складывались крайне непросто – трения начались еще во время переброски итальянских войск на Восток, а уже в ходе непосредственного участия Корпуса в боях вылились в открытые столкновения.

Первой причиной конфронтации двух, казалось бы, союзных держав стал вопрос о снабжении итальянских войск, находившихся на территории СССР.

Тыловое снабжение, всегда представлявшее собой труднопреодолимую проблему для военных коммуникаций, растянутых на большие расстояния, а именно обеспечение Корпуса транспортом и продовольствием – то, что играет в наступательной операции ключевую роль, – оказалось организованным крайне плохо. Еще до начала военных действий в Европе, в марте-апреле 1939 г., на регулярных совещаниях немецких и итальянских генералов, высшим военным командованием Италии не раз поднимался вопрос о том, что Рим будет готов к войне самое раннее в 1942 г. (5). Неудивительно, что итальянские войска, оказавшиеся в СССР уже в 1941 г., столкнулись с серьезнейшими проблемами.

Суровый климат Восточной Европы требовал эффективного питания солдат. Однако рационы немецкого пайка вызывали острое недовольство итальянских военнослужащих (6). Плохое питание вело не только к частичной потере боеспособности итальянскими солдатами, но и к общему ухудшению их здоровья. Так, по показаниям попавших в советский плен итальянцев, плохое питание явилось не только причиной снижения физических качеств солдат, но и послужило толчком широкому распространению инфекционных заболеваний (7).

Наряду с продовольственной проблемой возникали и существенные затруднения с надлежащим обеспечением итальянских войск транспортом: потребность в нем удовлетворялись лишь на треть (8). По воспоминаниям итальянского офицера Эудженио Корти, участника боев под Сталинградом и на Дону, «если падающий с ног от изнеможения итальянский солдат делал попытку забраться на немецкие сани, его незамедлительно сгоняли прочь» (9).

Кроме того, командование CSIR требовало снабжать войска валютой той территории, на которой они находятся (применительно к СССР речь шла об немецких имперских кредитных билетах) (10). Все эти проблемы послу-

жили причинами для того, чтобы недавние союзники с недоверием взглянули друг на друга.

Второй причиной, внесшей раскол в итало-германское сотрудничество, стало частично оправданное реальностью, частично ставшее результатом накопившихся предубеждений недовольство действиями друг друга. Германия всегда рассматривала своих итальянских союзников не как равноправных партнеров, столь же ценных, но пусть и обладающих меньшими ресурсами, а как подопечных, обладающих меньшими правами во всем (11).

Иерархия выстраивалась немцами как в политике, так и в бою. Еще в октябре 1941 г. Гальдер писал, что «в виду низкой боеспособности итальянских дивизий их, к сожалению, можно использовать только для пассивного флангового прикрытия в тылу» (12).

Идея о том, что итальянцы «ни к чему не способны», встречается в дневниках и высокопоставленных фронтовых офицеров (13). Трудно сказать, насколько эти выводы германских военных были обоснованы в 1941 г., однако, принимая во внимание печальный опыт Италии в Первую мировую войну (двенадцать неудачных наступлений только на одном участке фронта у реки Изонцо), немецкий генералитет, несомненно, имел все основания иметь предубеждение относительно боевых и моральных качеств итальянских войск.

Факт эмоционального и психологического давления со стороны немецкого командования подтверждается и самими итальянскими военными. Высокопоставленный итальянский военный Эмилио Фальделла, занимавший должность начальника Воспитательного управления Генерального штаба Италии, написал после войны фундаментальный труд по истории европейских конфликтов, в котором подчеркивал, что «немецкое командование вело себя высокомерно и презрительно» (14).

Хотя дальнейшие попытки итальянского генерала создать позитивный образ итальянских войск (он пишет о том, что «мужественное поведение» итальянцев и их «весомый вклад в операции» обеспечивали улучшение в отношениях с немцами (15)) выглядят немного натянутыми, обеспокоенность на уровне Генерального штаба Италии позволяет утверждать, что проблема морально-психологического доминирования немецких солдат над итальянскими была остра. Следует также отметить факт, ускользнувший от пера Фальделлы, но при этом довольно важный для понимания моральной угнетенности итальянцев: даже собственные итальянские офицеры обращались с подчиненными им солдатами – как свидетельствовали военнопленные – крайне грубо (16).

Еще одной сферой, где проблема иерархизации отношений между немцами и итальянцами появилась довольно остро, стала символическая сфера. Согласно трофейным документам, дискриминация происходила даже в случае убийства итальянского военнослужащего местными жителями, за что полагалось расстрелять 80 заложников, тогда как за убийство немецкого военнослужащего – 100 заложников (17) (при этом убитый румынский солдат «стоил» всего 10 заложников (18)).

Известно также, что в одном случае бургомистром занятого немецкими войсками города Красный Луч Ворошиловоградской области УССР был назначен итальянец – некий Англезио (19).

Принимая во внимание то, что обычно немецкая практика состояла в назначении на должность бургомистра кого-либо из местных жителей, случай с градоначальником Красного Луча свидетельствует о том, что для немцев не существовало серьезных статусных различий между союзниками-итальянцами и жителями оккупированных территорий. Порой доходило до откровенных издевательств: так, описывая особенности итальянской формы (шляпы с перьями) и последующее поражение итальянских частей в битве за Умань, немецкие солдаты говорили: «Мы кур ели, итальянцы перья подбирали, а теперь они и перья растеряли» (20).

Проблемы обеспечения итальянских войск всем необходимым в сочетании с морально-психологическим давлением со стороны немецких командующих привели к резкому ухудшению состояния солдат Корпуса. Боевой дух итальянцев, весьма высокий в начале кампании, уже осенью 1941 г. упал.

Как свидетельствовал один из офицеров дивизии «Торино», в октябре того же года дисциплина оставляла желать лучшего, а многие солдаты ходили неопрятными и имели страдальческий вид (21). Немецкие донесения свидетельствовали о ежедневных кражах итальянцами продуктов питания (22).

Советские источники также сохранили данные о материальной и моральной деградации итальянских войск. Так, согласно донесениям НКВД в сентябре 1941 г. итальянцы, прибывшие под Днепропетровск, были «оборваны и совершенно не обеспечены питанием», крали у населения не только продовольствие, но и одежду, а многие итальянские солдаты были одеты в красноармейскую форму, которую снимали с убитых или отбирали у пленных (23). Чтобы купить что-нибудь поесть, итальянцы вынуждены были продавать на базарах собственное оружие (24).

На этом фоне разнь между немецкими и итальянскими войсками усиливалась еще сильнее, доходя уже до элементарных бытовых конфликтов в расположении частей; участились случаи дезертирства итальянских военнослужащих, перехода их на сторону партизан и добровольной сдачи в плен – по сообщениям командования одного из партизанских отрядов, действовавших в районе Минска, итальянцы «искали случая, чтоб перейти к партизанам» (25), в то время как, по мнению Фальделлы, немецкое командование не могло или не хотело оценить эффективность возможностей CSIR (26).

Примечательно также и то, что итальянские и немецкие войска вели очень разную оккупационную политику. Хотя Э. Корти и хвастался, что он «никогда не обращался к немецким офицерам, если без этого можно было обойтись» (27), а итальянские военнослужащие в целом пользовались переводными немецкими инструкциями и директивами ведения войны и отношения к местным жителям (28) и даже, по косвенным свидетельствам, объ-

яснялось с ними по-немецки (29), практика показывает, что реальная оккупационная политика Италии отличалась от политики Германии.

На территориях, занятых итальянскими войсками, представителям военной администрации поручалось предпринять комплекс мер, нацеленных на обеспечение безопасности войсковых соединений, а именно: назначить старост («*nominati gli starosta*»), которые «под страхом суровых наказаний и репрессий» должны будут сообщать о наличии партизан и чужих гражданских лиц, а также сдавать имеющееся оружие (30), что соответствует немецким предписаниям о расстреле за укрывательство и недоносительство и хранение оружия, действовавшим в той же зоне оперативной ответственности (31).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что итальянцы всегда использовали термин «*partigiani*», тогда как в немецких документах в большинстве случаев употреблялся термин «*Banditen*». За этим терминологическим различием кроется фундаментальное отличие в понимании оккупационного режима, который две страны осуществляли на Восточном фронте. Если итальянцы аккуратно следовали традиционным европейским моделям и международным военным конвенциям, предписывавшим делить население на мирных жителей и партизан (в отношении и тех, и тех существовали те или иные нормы права, и страна-оккупант должна была соблюдать определенные правовые предписания (32)), то немцы, используя термин «бандиты», с самого начала не только «брутализировали» борьбу с местным подпольем и партизанским движением, но и фактически поставили всех лиц, отказывавшихся подчиняться немцам, вне закона.

На практике разное понимание и разное восприятие партизан проявилось в принципиальной политике репрессий. В случае с итальянцами «непосредственная акция репрессии и зачистка сектора» должна была проводиться только в случае агрессии со стороны партизан (33), тогда как, согласно приказу немецкого генерала В. фон Браухича, вышедшему еще в октябре 1941 г., главной целью в борьбе с партизанами было «полное окружение и уничтожение врага» (34). Местным жителям без разрешения запрещалось покидать территорию населенных пунктов «во избежание вражеского шпионажа», вводился комендантский час с темноты до рассвета, периодически производилась зачистка территории для обеспечения спокойствия в тылу (выявленных партизан предписывалось «хватать и отправлять в концентрационный лагерь»), в районах дислокации итальянских войск приказывалось создать охранные команды, которые будут поддерживать контакты со старостами (35).

Население занятых итальянскими войсками районов привлекалось на сельскохозяйственные работы, при этом сразу после выполнения работ его предписывалось отпускать (36), что разительно отличает подход к труду итальянских инстанций от аналогичных немецких, которые фактически угоняли советских граждан в рабство в качестве «остарбайтеров» (с другой стороны, есть сведения об участии итальянцев в угоне советских граждан в Германию из занятого ими Серафимовичского района Сталинградской области (37)).

Всем лицам старше 14 лет выдавались удостоверения личности за подписью местного старосты и итальянского уполномоченного на двух языках (русском и итальянском), которые содержали персональные сведения и приметы, отпечатки пальцев и собственноручную подпись владельца (38). Также планировалось провести перепись населения и составить особые списки евреев, коммунистов, иностранцев, политически неблагонадежных и преступников, проживавших на оккупированной территории (39). Примечательно то, что итальянские соединения стремились по возможности избежать столкновений с партизанами: войсковым частям предписывалось передвигаться по возможности ночью (40), днем использовать для сообщения жестикуляцию и договорные знаки, ночью – не отдавать команды громко и использовать световую сигнализацию (41), что походит на аналогичный по времени (лето 1942 г.) приказ германского командования о затемнении автоколонн во время ночного движения (42).

О том, что итальянское командование трезво оценивало масштабы партизанской войны на оккупированных территориях СССР и причины ее ужесточения, видно из итальянских директив, в которых подчеркивалось, что «каждая корова, отнятая у крестьян, дает лесу двух партизан» (43).

При этом итальянцы осознавали, что «война ведется в интересах Гитлера», и не скрывали, что «воюют под угрозой расстрела» (44), порой подчиняясь «только животному инстинкту самосохранения» (45). Известны случаи, когда итальянские солдаты предупреждали местных жителей о готовящихся немецких реквизициях (46).

Вместе с тем «приличное, дисциплинированное и благородное поведение итальянских солдат», по словам Фальделлы, снискавшее «симпатию и благодарность у населения, в отличие от жестокого поведения немцев» (47), зачастую не соответствовало действительности. Факты военных преступлений, совершенных итальянскими войсками, были зафиксированы органами НКВД и Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: это, в частности, убийства и изнасилования в селах Днепропетровской области в сентябре 1941 г., грабежи и убийства гражданских лиц и военнопленных в Донбассе и на Полтавщине в июле 1942 г. (48), массовое уничтожение отступающими итальянскими частями заключенных тюрьмы г. Россошь в январе 1943 г. (49).

Помимо этого итальянские военнослужащие принимали участие в разрушениях городской инфраструктуры и уничтожении сельскохозяйственной продукции в Молдавской ССР, в Днепропетровской, Кировоградской и Ворошиловоградской областях УССР (50). Также существуют сведения о присвоении итальянскими офицерами культурных ценностей, в частности, старинных икон на оккупированных территориях (51).

Итальянская оккупационная политика носила принципиально иной характер по сравнению с немецкой оккупацией. Хотя обе страны совершали на

территории СССР военные преступления, итальянская модель оккупации представляется значительно менее жесткой. На общем фоне действия итальянцев как войск-оккупантов выглядят нетипичными.

Как бы парадоксально это ни казалось, именно итальянский оккупационный режим наиболее полно вписывался в классическую модель оккупации и соответствовал нормам международного права.

Прежде всего необходимо отметить решение итальянских оккупационных властей создать на контролируемых ими территориях специальную полицию. Этот шаг примечателен сразу по нескольким причинам: во-первых, итальянцы стали фактически единственными представителями стран Оси, которые осознали необходимость сведения к минимуму полицейских функций регулярной армии; во-вторых, коренное отличие итальянской идеи полиции от создававшихся войсками других стран правоохранительных органов состояло в том, что полиция эта призвана была обеспечивать «верховенство закона» для всех, приводя к повиновению не только местное население, но и оккупационные войска всех стран – союзниц Германии (52). Существуют факты расследования преступлений итальянских военнослужащих представителями итальянского командования (53).

Еще одним заслуживающим внимания решением итальянской администрации на оккупированных территориях является директива о необходимости разделить все населения контролируемых территорий на три группы. Как можно было бы ожидать, принимая во внимание немецкий, румынский и венгерский опыт, подобное разделение должно было осуществляться на той или иной расово-этнической основе. Однако же – и это вновь подчеркивает отличие менталитета и идеологии итальянцев, – разделение осуществлялось по идейному принципу: в первую группу попадали приверженцы коммунистического режима, во вторую – антикоммунисты, а в третью – нейтрально настроенные лица. Далее данная директива предполагала, что оккупационные власти должны выстраивать разную политику по отношению к этим трем группам (54).

Итак, на основе вышеприведенных аргументов можно сказать, что Германия и Италия были весьма странными союзниками, и их совместные действия на оккупированных территориях Советского Союза трудно однозначно оценить. Не подвергается сомнению то, что союзники по Оси преследовали в захваченных областях разные, зачастую противоположные цели. Различие между итальянскими и немецкими войсками проявилось в установленных ими оккупационных режимах (если в данном случае вообще корректно говорить об итальянской оккупации советских территорий), а также в мерах по противодействию партизанскому движению. При этом стоит подчеркнуть главенствующую роль и довлеющий пример нацистской Германии в организации значительной части оккупационных мероприятий, проводимых войсками ее союзников, что видно из большого числа похожих документов, директив и распоряжений. На Восточном фронте войска Германии и Италии оказались в 1941–1943 гг. объединенными в некий внутренне кон-

фликтный альянс, единственным связующим фактором для которого была его антисоветская направленность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини // Крестовый поход на Россию: Сб. ст. – М., 2005. – С. 19.
- (2) *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М., 1971. – Т. 3: Запись от 26 июля 1941 г.
- (3) Там же. Запись от 8 июля 1941 г.
- (4) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 17.
- (5) *Taylor A.* The Origins of the Second World War. – L., 1961. – P. 10.
- (6) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 11.
- (7) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 175. – Л. 31.
- (8) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 39.
- (9) *Корти Э.* Немногие возвратившиеся: Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса, 1942–1943. – М., 2002. – С. 27.
- (10) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 32.
- (11) В подтверждение этого факта уместно вспомнить о том, что в переговорах о «Континентальном блоке», в который в перспективе должны были – по задумке части немецкой элиты – войти СССР, Германия и Италия, участвовали только И. фон Риббентроп и В. Молотов. Их итальянского коллеги графа Г. Чиано на переговорах не было.
- (12) *Гальдер Ф.* Военный дневник. – Т. 3: Запись от 9 октября 1941 г.
- (13) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 55. – Л. 67–68.
- (14) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale. – Forli, 1959. – P. 398.
- (15) Там же.
- (16) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 55. – Л. 31.
- (17) Там же. – Д. 52. – Л. 46.
- (18) *Cooper M.* The phantom war: The German struggle against Soviet partisans, 1941–1944. – L., 1979. – P. 53.
- (19) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 56. – Д. 564. – Л. 25.
- (20) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 744. – Л. 59.
- (21) Цит. по: *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 44.
- (22) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 168. – Л. 17–18.
- (23) Там же. – Д. 52. – Л. 69.
- (24) Там же. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 913. – Л. 74.
- (25) Там же. – Д. 748. – Л. 106.
- (26) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale... – P. 398.
- (27) *Корти Э.* Немногие возвратившиеся... – С. 57.
- (28) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 60 об; Д. 175. – Л. 55–69.
- (29) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 29, 84.
- (30) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 60 об.
- (31) Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Донецк, 1980. – С. 79–80; Сумская область в период Великой Отечественной войны. – Харьков, 1963. – С. 165.

- (32) *Cooper M.* The phantom war... – P. 47.
(33) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.
(34) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 148. – Д. 185. – Л. 6.
(35) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 10.
(36) Там же.
(37) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 9.
(38) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 54 об, 60.
(39) Там же. – Л. 54.
(40) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.
(41) Там же. – Л. 7.
(42) Там же. – Ф. 1323к. – Оп. 2. – Д. 255. – Л. 45.
(43) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 834. – Л. 14.
(44) Там же. – Д. 174. – Л. 22; Там же. – Д. 55. – Л. 21.
(45) *Корту Э.* Немногие возвратившиеся... – С. 46.
(46) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 22.
(47) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale... – P. 398.
(48) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 52. – Л. 45, 81; ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 56. – Д. 564. – Л. 25; Там же. – Оп. 149. – Д. 33. – Л. 6.
(49) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 33. – Л. 6.
(50) Там же. – Оп. 123. – Д. 173. – Л. 2, 5 об., 7, 22.
(51) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 21.
(52) Там же. – Л. 55.
(53) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 65.
(54) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 36–36 об.

ITALIAN TROOPS ON USSR OCCUPIED TERRITORIES IN 1941–1945

I.I. Barinov

Department of Russian History of 20–21th centuries
Faculty of History, Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article studies the activities of Italian allied troops of Nazi Germany in the occupied during the Great Patriotic War of 1941–1945 of the USSR Soviet territories. The material contained in the article allows to compare the Italian occupation administration policy and its features as well as its involvement in war crimes on Soviet territory. This article also gives a possibility to trace the organizing role of Germany in terms of organization of the occupation regime on the Soviet territory and its relations with its allies and satellites on the Eastern Front. The work is based primarily on unexplored archival documents.

Key words: The Great Patriotic War 1941–1945, occupied Soviet territories, Italian Expeditionary Corps, war crimes.